

Глава I.

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1.1. Античная археология в России в середине XIX в.

Императорская археологическая комиссия, созданная согласно положению, утвержденному 2 февраля 1859 г. Александром II [Охрана памятников 1978: 63-68, № 33; Медведева и др., 2009, с. 10-11], в развитии российской античной археологии сыграла очень важную роль. Это нововведение сразу стало рассматриваться как одно из проявлений мироощущения, характерного для времени Великих реформ, призванных примирить идеи, выработанные западной наукой и западным опытом, с идеями чисто русскими, глубоко лежащими в истории нашего Отечества [Данилов, 1886, с. 3; ср.: Фармаковский, 1921а, с. 1-7; Жебелёв, 1923, с. 107-108; Пескарёва, Рябинин, 1984, с. 299 сл.; Лебедев, 1992, с. 89-91; Васильева, 2000; Длужневская, 2006].

Однако античная археология в России, как хорошо известно, начала формироваться ранее этого срока и к середине XIX в. уже достигла немалых успехов [см.: Тункина, 2002]. Г.С. Лебедев, оценивая ситуацию того времени, пришёл к заключению, что в области классической археологии петербургская наука «достигла общеевропейского уровня и вела исследования мирового уровня» [Лебедев, 1992, с. 156]. В столице были созданы учреждения, так или иначе контролировавшие раскопки античных памятников Северного Причерноморья. Руководство археологическими раскопками тогда было сосредоточено отчасти в Министерстве внутренних дел и отчасти в Кабинете его императорского величества. При МВД была создана Комиссия для исследования древностей, во главе которой встал Л.А. Перовский [о нём см.: Тункина, 2002, с. 252-255; Медведева и др., 2009, с. 28], после смерти которого в 1856 г. всё руководство археологическими разысканиями в стране перешло к С.Г. Строганову [о нём см.: Тункина, 2002, с. 227-228; Гурулёва, 2005; Медведева и др., 2009, с. 31 сл.]. Свою положительную роль сыграло также и то, что на местах были открыты археологические музеи: 1811 г. – в Феодосии, 1825 г. – в Одессе, 1826 г. – в Керчи. Последний из них сразу же стал играть важнейшую роль в деле изучения боспорских древностей.

В первой половине XIX в. под Керчью были сделаны выдающиеся археологические открытия, главным образом, связанные с раскопками курганных памятников. В ряду таких открытий следует назвать курганы Патиниоти, Куль-Обу, Царский, Золотой, Змеиный, на землях мирзы Кекуватского и др.

[Марти, 1926, с. 5 сл.; Тункина, 2002, с. 220 сл., 547 сл.]. Наконец, необходимо обратить внимание ещё на одно обстоятельство: в середине века вышли первые крупные издания, авторы которых попытались подвести некоторые итоги изучения классических древностей на юге России [см.: Виноградов, 2000, с. 102-103; Тункина, 2002]. Среди вышедших к этому времени крупных публикаций следует выделить монографии Г.И.Спасского (1846), А.Б.Ашика (1848-1849), П.П.Сабатье (1851); в 1854 г. увидел свет фундаментальный труд «Древности Боспора Киммерийского», во многих отношениях не потерявший своего научного значения до сих пор.

Несмотря на имеющиеся достижения, необходимость перемен в сфере археологических исследований в России в это время ощущалась вполне отчётливо. Необходимо было реформировать систему организации раскопок, улучшить методику полевых работ, усилить требования к полевой документации, унифицировать правила составления археологических отчётов, создать печатный орган, который мог бы регулярно информировать просвещённую часть общества о результатах археологических раскопок в стране и т.д. С.Г. Строганов, к которому, как уже было сказано, руководство российской археологией перешло в 1856 г., как представляется, глубоко осознавал, что ситуация, сложившаяся в то время в стране, для осуществления этих перемен была вполне благоприятной. И дело здесь не только в общей политической конъюнктуре, нацеленности нового императора Александра II на проведение фундаментальных реформ, что само по себе, конечно, неоспоримо. В отношении понимания состояния боспорской археологии того времени необходимо помнить, что в годы Крымской войны (1854 – 1856 гг.) Керчь в 1855 г. была оккупирована англо-французскими войсками. По этой причине сотрудники Керченского музея, а также некоторые наиболее ценные коллекции и музейная документация были эвакуированы¹. После войны сотрудники Керченского музея достаточно быстро вернулись из эвакуации, в июле 1857 г. было возвращено на место и всё вывезенное музейное имущество [Ф. 14, д. 2, л. 32]. Возвращаться приходилось буквально на руины: Керченский музей был сильно разрушен оккупационными войсками, а оставшиеся в нём древности уничтожены или расхищены [Марти, 1926, с. 22]. Музей предстояло восстановить и поскорей вернуться к нормальному проведению археологических работ на берегах пролива.

Окончание войны, как нетрудно понять, стало важной вехой в истории музея, в которой волей-неволей открывалась новая страница. В связи с этим

---

¹ Во время эвакуации в 1855 г. в г. Екатеринослав (совр. Днепропетровск) были перевезены также некоторые коллекции и архив музея. В Екатеринославской губернии сотрудники музея должны были производить археологические раскопки. А.Е. Люценко, в частности, раскопал Александропольский курган. После того, как неприятель оставил Керчь, все они были командированы в Феодосию для производства раскопок в окрестностях этого города. Музейные вещи тоже поначалу поступили в Феодосию [Ф. 14, д. 2, л. 13].

С.Г. Строганов обратился к директору Керченского музея А.Е. Люценко, занимавшему этот пост с 30 марта 1853 г. [о нём см.: Лазенкова, 2001а; 2003, с. 23 сл., Тункина, 2002, с. 303-304; Зуев, 2007], с письмом, в котором просил его составить документ с обозначением основных задач и перспектив будущих археологических исследований Керченского музея. Ответом на это предложение стала записка, речь о которой пойдёт ниже.

1.2. Записка А.Е. Люценко «О продолжении занятий Керченского музея, прерванных событиями минувшей войны»

Этот документ был получен в С-Петербурге 12 декабря 1857 г. Для изучения истории боспорской археологии он имеет принципиальное значение [см.: Марти, 1926, с. 23], и его следует привести полностью [Ф. 14, д. 6, л. 4-20 об.]:

«Круг археологических занятий Керченского музея древностей

В Отчёте, помещённом в “Журнале министерства внутренних дел”, об археологических разысканиях, произведённых в 1846 и 1847 годах вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове, чиновником министерства Императорского двора г-м Карейшею, сказано между прочим следующее: “Вообще, и как видно из представляемого описания находок, разрытия около Керчи с каждым годом дают менее и менее археологической добычи. Иначе, впрочем, и быть не может: все лучшие курганы давным давно уже разрыты, и раскапыватели принуждены теперь обращаться к тем, которые оставляли прежде вовсе без внимания или разрывали только отчасти”². Почти то же говорит и г-н Ашик в отчёте о разысканиях своих около Керчи в 1846 году, приписывая неуспех их той же причине³.

---

²Эти слова были сказаны Д.В. Карейшей после раскопок 1847–1848 гг. [Карейша, 1848, с. 442]. Два года ранее, правда, он был более оптимистичен: «Классическая почва Керченского полуострова, несмотря на непрерывные поиски в течение нескольких лет, ещё не истощилась; и хотя открытия, сделанные в ней в последние годы, не столь уже обильны, ценны и интересны как прежние, однако и теперь ещё попадаются по временам находки, могущие занять внимание и любознательность археологов» [Карейша, 1846, с. 284].

³А.Б. Ашик в отчёте о раскопках в Черномории (т.е. на Тамани) в 1846 г. действительно посетовал на неудачи, связанные с тем, что исследованные им курганы были ограблены. В частности, он писал: «Надобно заметить, что в Черномории курганы много потерпели от раскапывания; тут нет <ни единой> совершенно не тронутой насыпи. Мне, по крайней мере, не случилось до сих пор напасть на такую; все они изрыты минами» [Ф. 6, д. 121, л. 30]. Приведу ещё одну цитату из отчёта этого археолога: «Курганы близ Тамани, как известно, всегда возбуждали корыстолюбивые виды жителей, а <так> как они находятся в степи, далеко от всякого жилья, то нет сомнения, что хищная рука искателей лёгкой добычи не раз к ним прикасалась» [там же, л. 30 об.].

С выводами сими нельзя согласиться. Хотя действительно, все лучшие курганы, находящиеся в Керченском градоначальстве (кроме лежащих на земле частных владельцев), давно уже разрыты, однако же это обстоятельство нисколько не препятствует находить в них вещи и гробницы, чрезвычайно важные и интересные во всех отношениях. Примерами тому могут служить известные мраморные статуи и превосходная каменная гробница, открытые в 1850 и 1854 годах: первые случайно в предместьи г. Керчи Глинище⁴, а последняя во время разысканий, произведённых на северной покатости горы Митридат, против татарской мечети⁵. Обе сии находки сделаны были в курганах, разрытых уже перед тем г. Ашиком; причём гробница оказалась глубже сделанного им раскопа, не более как на 1 аршин. Основываясь на сих примерах, я полагаю, что и в прочих курганах, разрытых на земле Градоначальства, число коих огромно, могут заключаться подобные же предметы древности, особенно гробницы, ускользнувшие от поисков прежних разыскателей. Сильнейшим подкреплением такого мнения служат:

- 1). Громадность многих из числа разрытых курганов;
- 2). Вероятность существования в них боковых гробниц, которые часто бывают важнее центральных, основанная на опытах, и
- 3). Совершенно недостаточное разрытие их, происшедшее, быть может, от ошибочных экономических соображений, вследствие коих огромные части сих курганов, могущие заключать в себе целые склепы, остались вовсе неисследованными.

Кроме того, разрезы или раскопы, сделанные в середине некоторых курганов, не всегда доводимы были до материка, как видно из приведённого выше примера. Имея в виду столь важные недостатки в разрытии помянутых курганов, нельзя не желать тщательной проверки если не всех раскопок, произведённых около Керчи, то, по крайней мере, некоторых. Для достижения сей цели с возможным успехом я полагаю бы удобнейшим ограничить сказанную проверку одним *доследованием*⁶ сомнительных курганов, то есть раскопкой тех частей их, которые остались уцелевшими, не прибегая к позднему и дорого стоящему способу совершенного снесения их с места, о пользе которого упоминает г. Ашик во 2-й части “Воспорского царства” (§ 8)⁷, хотя ни он, ни г-н Карейша не следовали этому правилу. В сём случае

⁴ Имеются в виду две мраморные скульптуры, обнаруженные в кургане на Глинище [см.: Бич, 1958, с. 87–90; Тункина, 2002, с. 201–302].

⁵ Почти нет сомнения, что имеется в виду каменная гробница, открытая 20 ноября 1854 г., которая содержала погребение женщины с богатым набором украшений [Ф. 9, д. 40, л. 163–165]. Вероятнее всего, она относится ко времени не позднее середины IV в. до н.э. [см.: Уильмс, Огден, 1995, с. 152–158].

⁶ Здесь и далее все места, выделенные в тексте цитируемых документов курсивом, если это специально не оговаривается, в рукописи подчёркнуты.

⁷ См.: Ашик, 1848б, с. 9.

как выбор надежнейших курганов для производства помянутых исследований, так и размеры сих последних должны быть предоставлены усмотрению директора и производителей разысканий во время приступа к ним. Такой ход разысканий сделался в Керчи необходимым с тех пор, как в окрестностях этого города не осталось ни одного нетронутого кургана, хотя из сотни раскопанных курганов едва ли найдётся десять разрытых порядочно. Вообще должно заметить, что прежние разыскатели, занимавшиеся здесь раскопками более 30 лет, производили их без всякой системы, думая только о том, чтобы сделать как можно более открытий, что, впрочем, не представляло в прежнее время особенной трудности по причине многочисленности курганов, никем ещё не копанных. Имея это в виду, они беспрестанно переходили с одного места на другое, оставляя без исследования те курганы, в которых, по сделании одного или двух разрезов, не обнаруживалось тотчас гробницы. Сверх того, в описаниях своих раскопок они редко определяли с точностию положение разрытых ими курганов и даже самых местностей, так что, обозревая их теперь на пространстве более 100 квадратных вёрст, невозможно судить: когда и кем они были раскопаны, что найдено было в них замечательного и все ли они расследованы как должно.

Кроме помянутых курганов, рассеянных в разных местах градоначальства в огромном числе, вблизи г. Керчи находится несколько отдельных пунктов и местностей, заслуживающих вполне самых тщательных и постоянных разысканий, несмотря на то, что они были также разрываемы неоднократно. Таковы:

- 1). Колоссальные насыпи горы Митридат, простирающиеся в высоту от подошвы ея до вершины на несколько десятков сажен и состоящие буквально из черепков древней посуды, смешанных с землёю, костями разных животных, угольем, золою и морскими ракушками⁸.
- 2). Замечательные своею огромностию курганы: Царский с великолепным каменным склепом египетской постройки, Золотой (Алтын-Обо) с двумя склепами такой же постройки и Пепельный (Куль-Обо), разрытый случайно в 1830 году с одной восточной стороны, в котором найдена была известная царская гробница, уцелевшая от расхищения.
- 3). Бесчисленное множество впадин или углублений на северной покатости горы Митридат, позади с. Глиница и отчасти близ Каран-

---

⁸ В глубине сих насыпей находимы были обломки мраморных статуй, фрагменты карнизов и других архитектурных украшений, надгробные плиты с надписями, монеты и т.п. Покойный граф Лев Алексеевич намерен был расследовать их по возможности до материка, но городское гульбище, устроенное на террасах горы Митридат, препятствовало исполнению этого намерения. Теперь гульбище это почти не существует (Примечание А.Е. Люценко – Ю.В.).

тинной слободки, служащих признаками катакомб, устроенных под землёю в скалистом и глинистом материке и

- 4). Некоторые громадные насыпи в цепи курганов, идущих от Павловской батареи на запад, и отдельно лежащие в других местностях, которые разрыты весьма поверхностно.

Расследования в сих важных пунктах производились сначала по мере возможности, из общих сумм, назначавшихся на археологические разыскания около Керчи и Тамани, но, <так> как этих сумм было для того слишком недостаточно по причине обширности помянутых расследований, то г. министр⁹, желая дать им надлежащее развитие, определил в 1853 году на производство их особую сумму, приказав не смешивать его (т.е. изучение самых важных памятников – Ю.В.) с прочими раскопками. Таким образом, в означенном году расследована была за 1200 руб. значительная часть Золотого кургана, сооружённого из камней разной величины и ограждённого циклопическою стеною¹⁰. Впрочем, размеры подобных расследований чрезвычайно трудно определить вперёд даже приблизительно по причине совершенной неизвестности глубины, до которой они могут простираться в земле.

О курганах г. Феодосии можно сказать почти то же, что изложено относительно курганов, лежащих в окрестностях Керчи. Замечу только, что большая часть их состоит из насыпей каменистого свойства, требующих больших усилий и издержек для систематического их расследования.

Должно также заметить, что в пределах Керченского полуострова есть земли, принадлежащие частным владельцам, на которых рассеяно множество курганов, представляющих живой интерес для разысканий, потому что большая часть их никем еще не копана или разрыта весьма поверхностно. К сожалению, владельцы тех земель, уступая право раскопки их правительству, назначают притом условия, столько же для него затруднительные, сколько и невыгодные, как, например, раздел всех древностей, открываемых при производстве сих раскопок, пополам с ними и т.п. Кроме того, раскопки такого рода в случае значительной отдалённости их от городов и селений требуют устройства временных помещений как для рабочих, так и для чиновников, что сопряжено с немаловажными издержками. При всём том я считаю весьма полезным спросить владельцев земель, находящихся в ближайшем расстоянии от Керчи, не согласятся ли они предоставить правительству разрывать курганы их на тех условиях,

---

⁹ Имеется в виду министр уделов граф Лев Алексеевич Перовский (1792–1856 гг.).

¹⁰ А.Е. Люценко в данном случае не вполне прав. В 1853 г. были выделены специальные деньги не на раскопки, а на обмеры Золотого кургана и содержащейся в нём гробницы, которые были выполнены Шамаковым [Гайдукевич, 1981, с. 22].

Нимфеона – ниже Павловской батареи, между этим пунктом и Камыш-Буруном.

Тиритаки – при озере Чурубаш.

Дии – поблизости от него (т.е озера – Ю.В.).

Акры – на мысе Такиль-Бурун.

Киммерикума – у подошвы горы Опук.

Китеи – между г. Феодосиею и горою Опук.

Валов Асандра, Аккоса и идущего к Азовскому морю от Золотого кургана.

На Азиатской стороне пролива:

Фанагории – на месте станции Сенной.

Корокондамы – на месте г. Тамани.

Гермонассы – в Таманском округе.

Апатуриона – -----.

Горгиппии – -----.

Абораса – -----.

Синда или Синдики – -----.

Киммерийского острова – на месте с. Фонтан.

Тирамбы – на берегу Азовского моря, в 8 верстах от Темрюка.

Киммерикума – на берегу Азовского моря, близ развалин турецкого укрепления Кизляр.

Ахиллеума – на месте казачьего кордона в начале Северной косы (Чушки).

Памятники царя Сатира – холм Куку-Обо с находящимся на нём грязным вулканом, в 12 верстах от Ахиллеума, к югу.

Патреи – у подошвы холма Куку-Обо.

Кепоса – на месте станицы Ахтанизовки.

Киммерийского вала – при оконечности Таманского лимана.

Из вышеупомянутых соображений видно, что круг археологических разысканий в восточной части Крымского полуострова и в Черномории представляет ещё обширное поприще для занятий Керченского музея, а потому я полагал бы удобнейшим не распространять его на другие места, ограничив оный только теми местностями, которые заключались в нём до войны, то есть одним Феодосийским уездом с Керченским градоначальством и Таманским полуостровом с частью восточного берега Чёрного моря от реки Кубани до укрепления Анапы. Впрочем, чем теснее этот круг, тем основательнее могут быть производимы археологические разыскания.

Размеры разысканий, при которых они могут производиться без затруднений как в надзоре за ними, так и в приискании нужных для них рабочих, с приблизительным назначением потребной для этого ежегодно денежной суммы

Археологические разыскания в Керчи и Тамани могут производить с успехом и выгодой для казны только в течение трёх весенних и трёх осенних месяцев, то есть в марте, апреле, мае, сентябре, октябре и ноябре. Летом же цена на рабочих становится в Керчи слишком высокою по причине сенокоса, разных полевых занятий и разработки озёрной соли; притом в это время чрезвычайно трудно находить здесь рабочих, а вызывать их из других губерний ещё труднее по отдалённости оных от Керченского полуострова. Здешние рабочие состоят из русских и татар, принадлежащих к сословию керченских мещан. Они нанимаются артелями от 4 до 16 человек, смотря по величине курганов, и соглашаются копать их от кубической сажени с тем, чтобы уплата заработных денег производилась им в конце каждой недели по обмеру произведённой работы, а потому, сговорившись в цене урока, весьма редко представляется надобность заключать с ними формальные условия. Обыкновенная цена за выемку одной кубической сажени земли без отвозки оной в сторону составляет 1 руб. сер. В случае же каменистого грунта, значительной глубины раскопок и отвозки вынимаемой из них земли в сторону на тачках она увеличивается до 2 руб. и более. В каждом месяце, за исключением табельных и воскресных дней, считается 20 рабочих дней; следовательно, в шести будет 120. А как в течение означенных месяцев для раскопки курганов в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове можно иметь от 40 до 60 рабочих в день, с некоторым же затруднением и более, то общее число их будет простираться до 6000 человек (человеко-дней – Ю.В.); считая же по урочному положению, на выемку каждой кубической сажени земли 2-х землекопов, оказывается, что размеры предполагаемых разысканий могут заключать в себе около 3000 кубических сажен, в том числе 1500 кубических сажен в Керчи и столько же в Тамани, на производство коих потребуется в год 3000 руб., сверх суммы, ассигнуемой ежегодно на содержание Музея и археологические разыскания, в количестве 4428 руб.; причём должно принять в соображение покупку и заготовление инструментов и проч. Впрочем, количество произведённой работы, завися вполне от твёрдости грунта, глубины раскопок и необходимости отвозить землю в сторону, может уменьшиться до половины, не изменяя потребности означенной суммы.

Такой размер <финансирования> для разысканий в Керчи и Тамани принят был в 1853 году, независимо от разработки Золотого кургана, производившейся в том году, по распоряжению покойного г. министра, из особой суммы.

В будущем году я полагаю бы произвести здесь следующие археологические разыскания:

В Керченском градоначальстве:

1. Расследовать курганы, о коих упоминается выше, разрытые недо-

статочно, по левую сторону дороги, ведущей к Карантину, позади с. Глиница и вообще в окрестностях Керчи в том количестве, какое признано будет возможным, не выходя из вышеозначенного размера разысканий, и

2. Разрыть большой курган, находящийся позади с. Глиница, в конце сада мещанина Андрея Сопина. Курган сей разрываем был г. Ашиком только с боков и притом весьма поверхностно; середина же его осталась совершенно не копанюю. Имея остроконечную вершину без малейшей впадины, он простирается в окружность до 70 сажен, а в высоту от 4 до 5 сажен и заключает в объёме своём около 500 кубических сажен. Здешние мещане уверяют, что г. Ашик открыл с западной стороны его каменную гробницу. Допуская это, я полагаю, что в нём находится не одна гробница и что в середине его может быть большой каменный склеп. Впрочем, разрытие его должно производиться с отвозкою земли на тачках.

На Таманском полуострове:

1. Доследовать курганы, разрытые недостаточно близ станции Сенной, на месте древней Фанагории, стараясь также не выходить из вышеозначенного размера разысканий, и
2. Продолжить начатые в 1853 году расследования местности близ означенной станции, возле хутора г. Семеняки, где найден был в том году случайно мраморный пьедестал с замечательною надписью, относящеюся к периоду царствования на Боспоре Перисада I¹².

Штат Керченского музея

Штат Керченского музея я нахожу возможным ограничить только двумя чиновниками, состоящими при директоре, вместо положенных трёх и одного причисленного к музею в 1854 году, а именно: помощником директора, который находится при нём в этом звании, может быть, производителем разысканий на Керченском полуострове и одним чиновником собственно для производства разысканий на Таманском полуострове под непосредственным наблюдением директора и его помощника; третьего же чиновника, назначенного по штату, я полагал бы полезным заменить письмоводителем для ведения при директоре шнуровых книг, формулярных списков и других письменных дел, отвлекающих его от главной обязанности: следить за производством разысканий; причём считаю необходимым:

- 1). Оставить при музее сторожа и трёх постоянных конных надсмотрщиков, первого для хранения древностей, с жалованием по 100 руб. в год, а последних как для надзора за работами, так и для

¹² Имеется в виду надпись [КБН, 972].

- присмотра за тайными раскопками курганов, с производством каждому из них с лошадьёю прежнего содержания по 180 руб. в год.
- 2). Оставить при нём (т.е. при музее – Ю.В.) писаря с жалованьем по 100 руб. в год.
  - 3). Разрешить нанять сторожа к казённой постройке на Таманском полуострове с жалованьем 100 руб. в год.
  - 4). Оставить отпускаемые музеем на канцелярские, рисовальные и скульптурные припасы 100 руб. в год.

В настоящее время, за увольнением от службы чиновников Линевица и Мезирова, остаются при мне только помощник мой, коллежский ассессор Бегичев и губернский секретарь Лазаревский. Находя возможным ограничить ими штат Керченского музея, я полагаю бы удобным поручить первому из них, по способности его к скульптурным и рисовальным занятиям, исполнять, кроме должности помощника директора, обязанности скульптора и рисовальщика, которых по штату не назначено. В сём предложении я считаю должным ходатайствовать о назначении г. Бегичеву дополнительного содержания исправлению означенной обязанности.

Затем я имею честь испрашивать соизволения Вашего Сиятельства на определение к музею письмоводителя с жалованьем примерно по 250 руб. в год.

Помещение музея

Относительно устройства помещения для музея, я имел честь изложить мнение моё в записке, представленной Вашему Сиятельству при рапорте от 16 минувшего сентября за № 89-м.

По неимению при делах музея копии с чертежей здания, находящегося на горе Митридат, который представлен в 1834 году в С-Петербург, я просил здешнего городского архитектора составить приблизительные соображения как о стоимости исправления помянутого здания, так и о сумме, потребной для постройки в замен его нового музея. Ныне соображения сии получены, из коих видно, что капитальное исправление первого, с уничтожением сводов, поддерживающих крыльцо, устройством окон вместо люка и заменой мраморного пола обыкновенным, простирается на сумму около 6265 руб.; постройка же последнего в один этаж обойдётся не дороже 8953 рублей.

Представляя при сём как означенные соображения ..., так и проект нового дома для помещения музея на благоусмотрение Вашего Сиятельства, долгом считаю присовокупить:

- 1). Что наём квартиры для помещения музея в частном доме при всех неудобствах и затруднениях одного относительно мраморов и других тяжёлых предметов, для которых вообще частные постройки и жилые дома служить не могут, потребует ежегодно не менее 300 руб.

- 2). Что на основании предписания покойного г. министра уделов от 21 июля 1853 года за № 288 и других, все сверхштатные расходы музея, относящиеся к отоплению здания и мелочным в нём исправлениям, к найму сторожей и писаря, выдачи чиновникам прогонных и фуражных денег, дополнительному содержанию надсмотрщиков и к канцелярским припасам, производились из 4428 руб., ассигнуемых ежегодно на содержание музея и археологические разыскания.
- 3). Что в случае несоизволения Вашего Сиятельства на исправление здания музея, находящегося на горе Митридат, можно было бы спросить здешнее лютеранское общество, не согласится ли оно приобрести его для устройства в нём церкви, которой общество это не имеет.

Средства Керченского музея

1. Фуражные или разъездные деньги

Археологические разыскания, производимые в окрестностях Керчи и Тамани на пространстве многих квадратных вёрст, не могут существовать без назначения чиновникам постоянных разъездных денег как по причине дороговизны в г. Керчи биржевых извозчиков, требующих за каждую городскую поездку для осмотра работ или открытия гробниц непомерной платы по часам, которая превышает их средства, так и по неимению к тому никаких способов в Тамани. Признавая необходимость их, покойный граф Лев Алексеевич изволил в 1853 году выдать чиновникам музея единовременно по 60 руб. на покупку верховых лошадей с сёдлами и производить <выплаты> каждому из них на продовольствие сих лошадей по 107 руб. в год, под названием фуражных денег. Такое распоряжение сохранило своё действие на основании особых предписаний г. министра и во время командировки сих чиновников из Керчи, так как занятия их продолжались в Екатеринославской губернии и Феодосии. В текущем же году я имел честь получить предписание Вашего Сиятельства от 11 мая, в котором определено произвести им выдачу фуражных денег только по день перемещения в Керчь. Вследствие чего, по возвращении в Керчь я прекратил выписку сих денег в расход как им, так и себе, что заставило нас продать помянутых лошадей, не внося в казну денег, употреблённых на покупку их; для производства же разысканий нанимать биржевых извозчиков на свой счет. По сим причинам я считаю долгом ходатайствовать о назначении директору и чиновникам музея для разъездов их по работам, вместо фуражных денег, постоянных разъездных в том количестве, в каком производились первые, т.е. по 107 руб. в год, предоставив им иметь собственных верховых лошадей и, вместе с тем, о разрешении не требовать от них денег за проданных казённых лошадей.

2. Квартирные деньги

Числясь в Кабинете Его Величества и не завися в занятиях своих от градоначальника, директор Керченского музея и находящиеся при нём чиновники могут считаться здесь в командировке, а потому я полагал бы возможным производить им постоянно в виде пособия суточные и квартирные деньги в том размере, в каком они присвоены лицам, командируемым с разными поручениями из С-Петербурга. Такое пособие могло бы значительно облегчить существование сих чиновников в здешнем крае, принимая в соображение слишком ограниченное содержание их и частые разъезды по производству разысканий.

3. Книги

Библиотека музея, спасённая от неприятеля с лучшими его древностями, сохранилась в совершенной целости и теперь приведена в порядок, но в ней не заключается многих сочинений, существенно необходимых чиновникам как для справок, так и для руководства их во время разысканий. Таковы в особенности: издание Эрмитажа Его Императорского Величества с изображением древностей, представленных Керченским музеем в С-Петербург; Записки С-Петербургского Археологического общества; известное сочинение Крейцера под названием “*Réligios de l’antiquité*” в переводе Гиньо; “*Voyage autour du Caucase*” г-на Дюбуа де Монпере, которого имеется только 5-ый том без атласа и т.п. Покойный граф Лев Алексеевич обещал мне лично выслать первое из сих сочинений, когда музей снова устроится в Керчи. Кроме того, в одном из писем своих он обещал выслать сочинения гг. Кёне и князя Сибирского, относящиеся к нумизматике Воспорского царства по выходе их в свет. Полезно было бы также разрешить выписку для музея журнала “*Révue archéologique*”.

Мнение моё относительно некоторых мест, заслуживающих археологических разысканий, и предположения о них покойного г. министра уделов

В частых разъездах моих по южным губерниям России я видел много мест, заслуживающих внимательного исследования в археологическом отношении. К сожалению, большую часть из них я мог заметить только проездом; осмотреть же в подробности не имел ни времени, ни способов. Осмеливаюсь изложить здесь общий взгляд мой на те места, которые я видел. Главнейшими были:

В Киевской губернии. Некоторые могилы или курганы, валы, городища и другие насыпи, прекрасно описанные в обозрении их, изданном по

Высочайшему повелению г. Фундуклеем в 1848 году¹³. В числе сих памятников древности, вообще любопытных, могилы заслуживают особенного внимания, тем более, что в одной из них Каневского уезда, между селениями Пищальниками и Лазурцами найдена была случайно в 1845 году превосходная глиняная урна греческого стиля с изображением пляски воина и вакханки, а в другой, Звенигородского уезда, между селениями Петриковкою и Ромейковкою – шлем изящной афинской формы и поножья или наголенники из коринфской меди. Находки эти показывают, как справедливо замечает г-н Фундуклей, что греческие колонии далеко простирались вверх по Днепру. Я видел эти вещи в Киевском музее древностей при Университете Св. Владимира и нахожу их чрезвычайно замечательными. Необходимо было бы исследовать местности, в которых они найдены.

В Херсонской губернии. Ольвийские курганы в с. Порутине графа Кущелева-Безбородко. Осматривая эти курганы в 1854 году, я заметил, что многие из них разрыты без всякой системы, но большая часть ещё не тронута. Здесь, по всей вероятности, сокрыто в земле множество исторических памятников. На песчаном берегу Ольвии находят сотни монет и тесеров, выбрасываемых волнами со дна реки. Каменные гробницы похожи на керченские с тою разницею, что некоторые из них имеют своды в виде треугольной призмы.

В Екатеринославской губернии. Бесчисленное множество курганов, рассеянных повсеместно, особенно в Екатеринославском уезде. Встречаясь по всем направлениям этого уезда, они группируются в окрестностях Екатеринослава и м. Никополя, заставляя предполагать, что на месте их или вблизи от них существовали в древности многолюдные селения. Таковы: курган Чертомлыкский на земле барона Штиглица, близ с. Покровского, имеющий в окружности до 160 и в высоту около 15 саж., и Толстая Могила, находящаяся в 8 верстах от государственного селения Александрополя, в имении г. Нечаева. Я полагаю, что курганы сии сооружены над катакомбами, устроенными в глубине материка, в которых покоятся цари или вожди скифских племён, чему служит подтверждением открытие, сделанное в последнее время в огромном Александропольском кургане¹⁴. Остаётся только желать, чтобы катакомбы эти не были разорёнными. Здесь так же, как и в Киевской губернии, с грубыми изделиями скифской работы находимы были вещи изящного греческого стиля, как например, золотые медальоны с изображением en face головы Медузы,

¹³ Имеется в виду книга И. Фундуклея, содержащая обзор археологических памятников Киевской губернии [Фундуклей, 1848].

¹⁴ В 1855 г. раскопки Александропольского кургана были проведены самим А.Е. Люценко, которому, в частности, удалось открыть в нём катакомбу [см.: Древности Геродотовой Скифии, 1866, с. 8 сл., Лазаревский, 1895, с. 29 сл.; Артамонов, 1966, с. 54-58].

совершенно сходные с найденными близ Керчи в кургане Куль-Обо, подвески от ожерелий и обломки ваз с рисунками и позолотой. Впрочем, осматривая раскопки, произведённые в этом уезде, я заметил, что многие из них не доведены до материка, в котором могут быть углубления, ведущие в катакомбы.

В Таврической губернии. Курганы, лежащие близ г. Орехова и вообще в Мелитопольском и Днепровском уездах, особенно находящиеся в верховьях речек Молочные Воды и Токмак, где, по мнению некоторых писателей, основанному на сказания Геродота, находилась страна Геррос с гробницами скифских царей. Курганы сии обращают на себя особенное внимание как многочисленностию их, так и величиною. Замечательны также большие могильные насыпи, встречаемые близ гг. Бердянска и Ногайска, и по дороге от Перекопа к Алешкам, близ станций Большие и Малые Копани.

В земле Черноморского войска. Курганы, идущие непрерывною цепью по дороге от Темрюка к Екатеринодару, с правой стороны Кубани. Какой стране принадлежат они, остаётся неизъяснимой загадкой.

Кроме означенных мест, я осматривал местоположения древнего Херсонеса, находящегося на западной оконечности Иракийского (Гераклейского – Ю.В.) полуострова, между Херсонесским мысом и Георгиевским монастырём, в 7 верстах на запад от Севастополя, и нового Херсонеса на мысу, образуемом Круглым заливом и Карантинною бухтою. Разыскания, произведённые в последнем из них графом Уваровым, привели, как известно, к важным открытиям¹⁵. Что же касается до стен и строений первого, то к необходимому исследованию их, кажется, никем ещё не было приступлено».

Приведённый документ наглядно характеризует намерения А.Е. Люценко в отношении раскопок на Боспоре по обеим сторонам пролива, а также понимание им необходимости проведения археологических исследований в других важнейших центрах греческой колонизации Северного Причерноморья – Ольвии и Херсонесе Таврическом. Наконец, необходимо отметить, что директор Керченского музея осознавал важность раскопок скифских царских курганов, а также курганов Прикубанья, отношение которых к древним народам, некогда населявшим этот регион, в то время было «неизъяснимой загадкой». Весьма ценны также соображения А.Е. Люценко о финансировании раскопок, реконструкции здания музея, сильно пострадавшего во время оккупации, а также о штате музея.

---

¹⁵ О раскопках А.С. Уварова в Херсонесе в 1853 г. см.: Извлечение, 1855, с. 132-173. К.Э. Гриневич считал, что это были первые раскопки городища, проведённые с научно-исследовательскими задачами [Гриневич, 1927, с. 17-18].

1.3. Задачи будущих исследований на Боспоре

Помимо этого документа, который вполне можно считать программным, А.Е. Люценко направил в С-Петербург ещё одно любопытное послание, в котором изложил результаты осмотра курганов, расположенных к югу от Керчи, на Павловском мысу [Ф. 14, д. 2, л. 66-67 об.]. Как оказалось, на одном из них французами было построено укрепление, в результате чего обнажилась часть каменной крепиды, сложенной из хорошо отёсанных блоков, обработанных рустом. Оценив прекрасное качество кладки, А.Е. Люценко высказал предположение, что под насыпью кургана скрыта гробница, подобная обнаруженной в Куль-Обе.

С.Г. Строганов, безусловно, внимательно изучил всю корреспонденцию, поступавшую из Керчи, и в ответ на неё в марте 1858 г. направил А.Е. Люценко обстоятельное письмо, в котором выразил своё мнение по поводу планов раскопок грядущего полевого сезона, а также дал археологу инструкции о том, как следует вести раскопки, фиксировать открываемые объекты, заботиться об их сохранении и т.п. Опять же приведу этот документ полностью [Ф. 14, д. 6, л. 21-23]:

«Согласно записке, представленной мне при письме Вашем от 15-го ноября прошлого 1857 года, разрешаю Вам на разыскания в Керчи в текущем году произвести расход в количестве тысячи пятисот рублей серебром. Расход этот должен быть отнесён на счёт находящейся у Вас остаточной суммы по содержанию Керченского музея, так и имеющей поступать на тот же предмет.

Если бы вследствие случайных обстоятельств, особенно таких, которые подают повод рассчитывать на открытия, сумма эта оказалась недостаточной, Вы должны, не затрудняясь испрашивать разрешение об усилении оной.

Выбор курганов и вообще мест для исследований зависит от местных соображений, почему и предоставляю его усмотрению Вашему.

Признаю, однако же, необходимым:

- 1). Расследовать курган на Павловской батарее, в котором обнаружилась стена из огромных камней с рустиками, наподобие находящихся в Царском кургане, и
- 2). Расследовать несколько из тех земляных катакомб, в одной из которых открыт был череп макроцефала¹⁶. Причём, не ограничиваясь планами, подобными представленному мне и сделанному Вами со всею отчётливостию, помощник Ваш должен снимать с них точные рисунки.

---

¹⁶ Макроцефалами в то время называли человеческие костяки с искусственно деформированными черепами (Ю.В.).

В случае открытия гробниц макрокефалов, сохранять не только черепа их, но и прочие части скелетов, как могущие представлять собою не менее замечательные отклонения в человеческом устройстве.

Для определения рас, к которым относятся древние обитатели Керчи, завести при музее коллекцию и других скелетов так, чтобы на каждый род гробниц их было по одному хорошему, а черепов и более.

Вообще вести археологические работы так же, как они были ведены при Вашем образцовом расследовании скифского кургана в Екатеринославской губ. (т.е. Александропольского – Ю.В.). Честь сделанных в нём открытий и точность описания их неоспоримо принадлежат Вам, а это даёт мне право надеяться, что при просвещённой Вашей деятельности Керченский музей, который Вам предстоит теперь вновь образовать, принесёт плоды самые вожеленные для науки».

Страсть к написанию инструкций у петербургского начальства на этом не иссякла. Весьма любопытным представляется ещё один документ, составленный С.Г. Строгановым в ответ на рапорт А.Е. Люценко по поводу открытия катакомб на Глинице. Катакомбу эту обнаружили благодаря происшедшему обвалу земли, после чего с успехом были исследованы соседние «ложбины». С.Г. Строганов счёл необходимым ознакомить керченского археолога с некоторыми приёмами археологических разведок [Ф. 14, д. 6, л. 30 об.-31 об.]:

«Принимая в соображение, что ложбины эти даже и тогда, когда они образовались от провалов, могли точно так же в прежнее время, как и при данном случае, подать повод к исследованию их, можно предполагать, что гораздо более интереса представляет отыскание тех катакомб, которые не заявили ещё подземного своего существования никакими резко выраженными признаками на поверхности земли. Отыскивание их не должно представлять собою особых затруднений, так как местность, на которой они находятся, теперь известна. Впрочем, для сокращения издержек как в денежных расходах, так и во времени можно испытать вновь предлагаемый способ для отыскания входов в катакомбы, по которому всё пространство земли, подлежащее исследованию, предварительно разведывается щупом¹⁷. Места же, где щуп покажет материк глубже или где вдруг пойдёт свободнее, чем по соседству, ошупываются внимательнее и

---

¹⁷ Щуп этот от обыкновенного отличается только тем, что имеет во всю свою длину от одного конца до другого ложбину с круто загнутыми боками для того, чтобы при вытягивании его оставшаяся в ней (ложбине – Ю.В.) земля показывала, через какие слои он проходил. При разведывании он опускается так, чтобы отверстия, образуемые им, находились друг от друга приблизительно в 5 четвертях аршина (примечание С.Г. Строганова).

больше и именно до тех пор, пока не определится вид и форма ямы, находящейся в материке. Какова высота насыпи над поверхностью материка, в которой находятся помянутые катакомбы, не видно из рапорта. Он представляет собою ту выгоду, что даёт возможность избежать снесения всей массы насыпи до материка, и притом такой насыпи, которая ничего в себе не заключает, тогда как бесполезная трата составляла до сих пор главные расходы при раскопках. Разведывающему щупом рабочему, независимо от договорной платы, для поощрения можно выдавать по усмотрению директора премии за каждое интересное открытие. За первую же открытую им этим способом катакомбу уговориться выдать тройную подённую плату.

На плане земляной катакомбы, составленном директором с добросовестностью истинного антиквара, случайно пропущено означение высоты её от пола до потолка, что необходимо должно быть пополнено.

На будущее время при отысканиях как катакомб, так и вообще замечательных гробниц, до приступления к расследованию их снимать с них точные виды».

Разведки с помощью металлического щупа действительно стали применяться керченскими археологами, но, как не трудно догадаться, они совсем не всегда вели к очевидному успеху, а порой вред от использования такой методики становился более чем очевидным [см.: Виноградов, 2004б, с. 92-93]. Ещё одна инструкция, направленная в Керченский музей, касалась правил составления археологических описей [Ф. 14, д. 6, л. 31 об.- 32]:

«При составлении на будущее время описей находимым древностям, не довольствуясь общими, неопределёнными их названиями (ваза, вазочка, флакон, чашечка и проч.), давать им те имена, которыми они названы в издании Эрмитажа о древностях Боспора Киммерийского, если оно уже имеется при Музее, или в сочинении Ашика или другом каком-либо, причём окончательно для избежания всякого недоразумения ссылаться и на помещённый в сочинении рисунок. Для тех вещей, которые не имеют доселе особых отличительных имён, дав оные, придерживаться на будущее время неизменно. Так, чтобы, напр., с названием «серьга из гладкой проволоки», «гладкое кольцо, колечко из проволоки, серьга из сплюсненной проволоки с разогнутыми краями, простой браслет, обыкновенный аграф» и проч. однажды навсегда соединилось известное, определённое понятие. Ни один предмет древности, имеющий своё известное назначение, свою особую известную форму не должен оставаться и без своего особого названия. Чем обыкновеннее он, чем чаще попадает, тем необходимее должен иметь имя, как пользующийся полною гражданственностью на керченском территориуме древностей. Древние вещи, которых

особенно много, можно даже подразделять. Так, напр., слезницы можно подразделять хотя <бы> на 3 рода: древней, средней и позднейшей формы; для зёрен от бус, из которых некоторые тождественны с находимыми внутри России, другие в Англии, для пряжек от поясов и проч. можно приискать тоже какие-нибудь деления, основанные хотя <бы> на внешних их признаках. Только для равнодушного, рассеянного взгляда такие вещи кажутся безразличными, на самом же деле они должны иметь особенный характер, а следовательно и значение. Если бы последнее и оставалось иногда не разгаданным в настоящее время, нельзя ручаться, чтобы оно не было разгадано в будущем».

Разумность этих предложений не может вызывать сомнений ни у кого из современных исследователей [см.: Тункина, 2002, с. 307]. Завершая характеристику переписки между А.Е. Люценко и С.Г. Строгановым на этом этапе, приведу мнение последнего о значении изучения боспорских древностей для археологической науки [Ф. 14, д. 6, л. 32 об. - 33]:

«Окрестностям Керчи неотъемлемо принадлежит честь стоять во главе других археологических разысканий в России. На классическую ниву ея древностей обратили внимание и в самую эпоху бедствий прошедшей войны народы образованные. Лицам, составляющим дирекцию Керченского музея древностей, должна принадлежать и честь первенства в России в распространении точных и полезных сведений по части археологических разысканий. Просвещённая аккуратность директора и известная добросовестность <его> дают право надеяться, что возрождённый Музей, который ему предстоит вновь образовать, принесёт плоды самые вожеленные для науки».

1.4. Раскопки 1858 г.

Одушевлённый столь добрыми напутствиями, А.Е. Люценко провёл в 1858 г. весьма впечатляющие по своему объёму исследования. Справедливости ради следует сказать, что Керченский музей возобновил раскопки, прерванные войной, ещё летом 1857 г.; тогда они были проведены в Керчи и на Тамани (станция Сенная), но в сравнительно небольших масштабах [Ф. 14, д. 2, л. 50-57]. В 1858 г., следуя рекомендации С.Г. Строганова, А.Е. Люценко сначала предпринял раскопки катакомб, расположенных за Глинищем. Все они принадлежат первым векам н.э. [Ф. 14, д. 2, 105 сл.; см.: ОАК, 1859, с. 15-18]. Однако основное внимание археолога, вне всякого сомнения, было уделено исследованию нескольких крупных курганов.

Прежде всего, это *курган по дороге на Булганак* (совр. Бондаренково), имевший высоту более 9 м. Под насыпью был обнаружен полуразобранный

каменный склеп с уступчатым перекрытием. В погребальную камеру вёл дромос, на стенах которого были замечены прочерченные кресты, как в дромосе Царского кургана [Ф. 14, д. 2, л. 108 сл., 114-115; см.: ОАК, 1859, с. 18-20]. К сожалению, А.Е. Люценко не составил плана этой постройки и даже не привёл её размеров, по этой причине данный комплекс забыт исследователями боспорских древностей, во всяком случае, в специальной литературе он не упоминается [см.: Гайдукевич, 1981; Савостина, 1986].

Песчаный курган, расположенный рядом со Старым карантинном, раскапывался А.Е. Люценко, а затем и другими исследователями, на протяжении долгого времени (рис. 2, 3), но остался во многих отношениях непонятным. Название его связано с необычным характером насыпи, которая в основном состояла из песка. Её высота в начале исследований достигала 4 сажени [Ф. 14, д. 2, л. 115], т.е. около 8,5 м. Единственная гробница, находившаяся в насыпи, была обнаружена здесь в 1858 г.; это была грунтовая яма, размеры которой составляли 2,15 × 1,10 м, глубина – около 0,70 м [там же, л. 157]. Гробница была доверху наполнена древесным углем и сверху перекрыта кусками черепиц. Под слоем углей было найдено значительное количество железных гвоздей, медных гвоздиков, обломков ваз, на одном из которых сохранилось изображение позолоченной гирлянды из оливковой ветви. Отсюда происходят также бронзовое зеркало, золотой перстень с перегоревшим камнем, на котором сохранилось прекрасно исполненное изображение быка, и две медные монеты, на одной из которых была видна протома грифона и буквы ПАН. Пантикапейские монеты с подобным изображением чеканились в IV–III вв. до н.э. [см.: Шелов, 1956, с. 215, табл. IV, № 43, с. 216, табл. V, № 57, с. 218, табл. VII, № 79; Анохин, №№ 111, 119, 162]. Судя по описанию керамических находок, это погребение можно отнести к последней четверти IV в. до н.э.

В этом же году был открыт хрестоматийно известный склеп Мелек-Чесменского кургана [см.: ОАК, 1859, с. 21-25; Гайдукевич, 1949, с. 250-252; 1981, с. 48-49, № 4; Савостина, 1986, с. 95, № 9; Gajdukevič, 1971, S. 273-274]. В то время курган ещё не имел привычного названия и обозначался как большой курган на солончаке между городом и Глинищем [Ф. 14, д. 2, л. 172], или просто Глинищевский курган [1866 г., д. 7, л. 5]. Он действительно имел очень крупные размеры: высота – 10,70–12,80 м¹⁸, длина окружности насыпи – 213 м. Исследователь даже назвал его самым громадным из всех курганов, прилегающих к городу [ОАК, 1859, с. 21]. Склеп Мелек-Чесменского кургана оказался полностью ограбленным, но среди немногочисленных сохранившихся предметов А.Е. Люценко обратил внимание на 4 камня, находившиеся в северо-западном углу погребальной камеры. Камни имели квадратную форму, их «ширина и толщина» составляла не более 4-х

¹⁸ Высота кургана 8 м [Гайдукевич, 1949, с. 250], вероятно, была определена в более позднее время.

вершков [там же, л. 179 об.]. Из этого неясного описания можно сделать предположение, что исследователь нашёл здесь кубики, но, вероятнее всего, это были каменные плитки размером приблизительно 18×18 см.

Самое замечательное археологическое открытие 1858 г. было сделано при раскопках Второго кургана на Павловском мысу [рис. 4; Ф. 14, д. 2, л. 76-84]. Не удивительно, что этот курган привлекает постоянное внимание учёных [см.: ОАК, 1859 г., с. 6-15; Шкорпил, 1918а; Марти, 1926, с. 24; Гайдукевич, 1949, с. 254-255; Гриневич, 1952, с. 133-138; Артамонов, 1966, с. 67; Уильямс, Огден, 1995, с. 166-171; Gajdukevič, 1971, S. 274-275]. В центральной части кургана была открыта большая каменная гробница, перекрытая каменными плитами. Внутри неё находился великолепно украшенный деревянный саркофаг, содержавший погребение женщины, вероятнее всего, жрицы [Гайдукевич, 1949, с. 255; Gajdukevič, 1971, S. 275; см. также: Сокольский, 1969, с. 36; Шауб, 2007, с. 342-343]. Сопровождающий инвентарь включал немало число замечательных произведений античного прикладного искусства: золотая стленгида, золотые подвески с изображением Ники, золотые перстни с резными камнями и пр. По находке краснофигурной пелики и пантикапейской серебряной монеты этот погребальный комплекс, как представляется, следует относить к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н.э.

В 1858 г. было начато изучение курганов некрополя Юз-Оба, расположенного на цепи холмов, тянущихся от Павловского мыса на запад (рис. 5). Тогда А.Е. Люценко предпринял раскопки двух курганов, находящихся в восточной части некрополя и получивших название Первого и Второго Каменистых. В Первом кургане была открыта грунтовая могила, стенки которой были обложены камнем, а перекрытие состояло из деревянных брусьев. В этой гробнице находилась кремация, не содержащая особо ценных находок [Ф. 14, д. 2, л. 170-171]. Во Втором кургане были обнаружены остатки большого каменного склепа. Этот склеп был ограблен, а стены его до половины разобраны [Ф. 14, д. 2, л. 191; см.: ОАК, 1859, с. 20-21]. Как видим, первые раскопки на Юз-Обе оказались не очень удачными. Однако неудачи не обескуражили А.Е. Люценко, и в последующие годы он продолжил раскопки этого курганного некрополя, сделав здесь ряд чрезвычайно важных археологических открытий (см. ниже).

Рис. 2. Раскопки курганов Юз-Обы в 1859 г., на переднем плане Песчаный курган [Р. 1, № 691, л. 1].

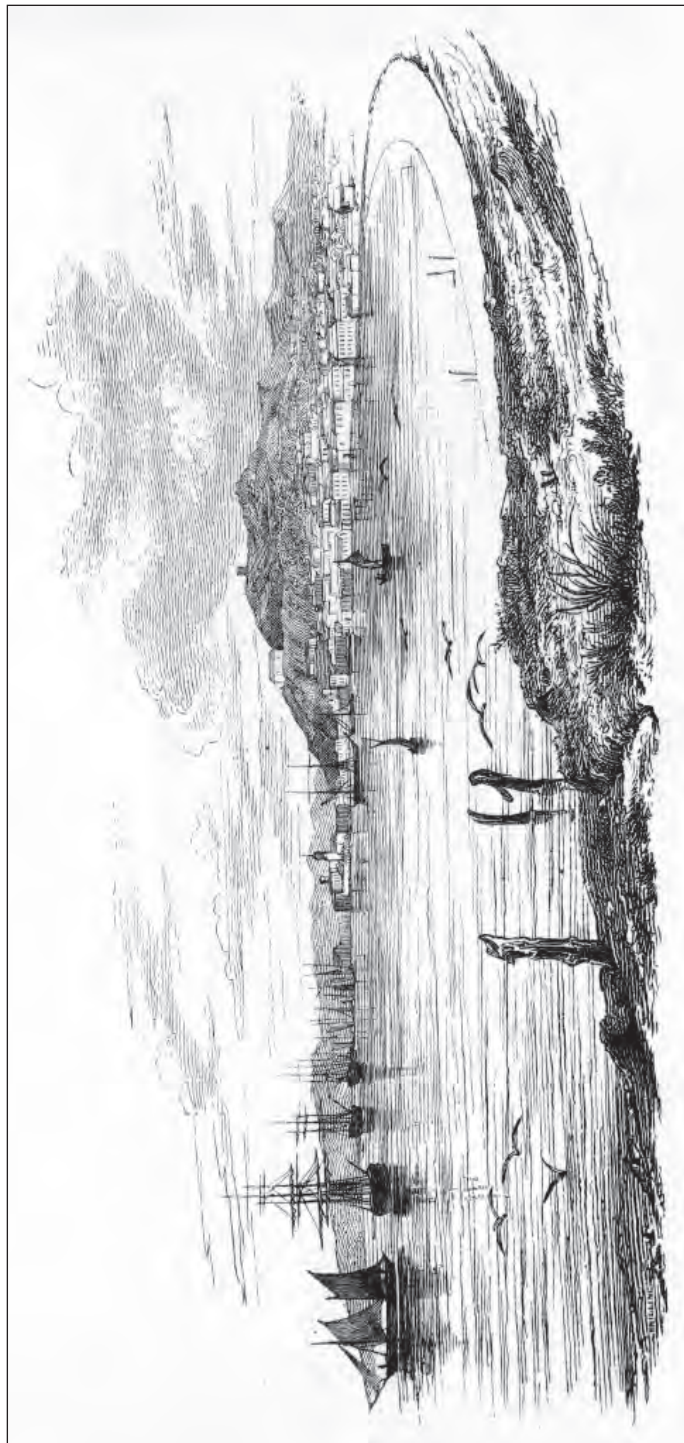

Рис. 3. Песчаный курган после раскопок 1860 г., вид с юго-запада [Р. 1, № 691, л. 14].

Рис. 4. Раскопки курганов на Павловском мысу [Толстой, Кондаков, 1889а].

Рис. 5. Вид Керченской бухты с северо-востока. На заднем плане – курганы Юз-Обы [Толстой, Кондаков, 1889а].